

Услышав, что Ли Цинвэнь всерьез намерен разбогатеть и выкупить их свободу, каторжане только диву давались. Никто не ожидал, что Цзян Цун не только не осадит мальчишку, но и поддержит его безумную затею. А когда юноша заявил, что собирается навсегда остаться в пограничном городе, люди и вовсе лишились дара речи.

Оправившись от изумления, все разом повернулись к остальным членам семьи Ли.

Ли Маоцюнь сидел с отсутствующим видом — его разум просто отказывался вмещать услышанное.

— Сынок, ты хоть раз в жизни за плугом стоял? — Ли Цинчжо поднял взгляд на младшего брата. — Боюсь, если останешься, только обузой будешь для брата Цзяна и остальных.

Ли Цинжуй согласно кивнул:

— Поднимать целину — дело нешуточное. Вот подрастешь еще на пару лет, Ли Цинвэнь, тогда и вернемся к этому разговору. Тогда это будет хоть на что-то похоже.

Ли Цинвэнь, который действительно не имел ни малейшего представления о земледелии, попытался робко возразить:

— Но я... я ведь могу научиться...

Голос его звучал настолько неуверенно, что остальные лишь добродушно усмехнулись, приняв это за детское упрямство. Спустя несколько минут все уже повалились на кан и вскоре забылись тяжелым сном.

Подбросив в печь побольше коровьего навоза, Цзян Цун вернулся на свое место. Ли Цинвэнь тут же подкатился к нему под бок и прошептал на самое ухо:

— Брат Цзян, научишь меня землю пахать?

— Это тяжелый труд, а ты еще мал, — негромко ответил Цзян Цун. — Слишком налегая на работу сейчас, ты только здоровье подорвешь. Давай подождем несколько лет, пока ты не окрепнешь.

Ли Цинвэнь надул щеки и зашептал еще тише, почти не выдыхая:

— Даже если у меня сил не так много, я всё равно могу быть полезен. Есть куча дел, с

которыми я справлюсь.

В темноте мужчина безошибочно нашел его лицо и легонько ткнул пальцем в надутую щеку:

— Я знаю, что ты у нас способный.

За всё время долгого пути Ли Цинвэнь ни разу не пожаловался на усталость или лишения. Все вокруг только и делали, что хвалили его стойкость. Цзян Цун, хоть и сокрушался в душе о трудностях, выпавших на долю мальчика, не мог не чувствовать за него гордости.

Услышав похвалу, младший придвинулся еще ближе:

— Брат, я не просто так говорю. Мой отец всегда повторял: «Где поле, там и достаток». Здесь, конечно, не так спокойно, как в нашей деревне, но земли — края не видать. Столько богатства зря пропадает, и если вы не в силах всё вспахать, то разве не обидно оставлять её дикой?

Дыхание Цзян Цуна на мгновение замерло.

Не дождавшись ответа, Ли Цинвэнь решил, что собеседник уже уснул, и легонько пощекотал его за бок.

Тот поймал его ладонь в свою. Движение было мягким, но голос прозвучал твердо:

— Сейчас не время. Мы еще не знаем, как здесь всё устроено, и я не позволю тебе так рисковать. К тому же, в любой момент нас могут отправить в бой. Если ты останешься здесь один, я места себе не найду от тревоги.

Мальчик обиженно засопел, принимаясь бесцельно водить пальцем по ладони мужчины:

— У нас дома всего-то клочок тощей земли. Сколько над ней ни бейся, выше головы не прыгнешь. Да и в деревне всем сейчас туго — работы нет, денег не заработать...

Слушая его бормотание, Цзян Цун лишь тяжело вздохнул:

— Ладно, я еще подумаю об этом.

Почувствовав, что тот смягчился, младший тут же ухватился за возможность:

— Брат, если ты согласишься, то и старшие братья спорить не станут...

Договорить он не успел. Из угла раздался голос Ли Цинжуня:

— Цинвэнь, такие дела с кондачка не решаются. Я не собираюсь стоять у тебя на пути, но и подставлять тебя под удар тоже не хочу.

Поняв, что их секретный разговор подслушали, Ли Цинвэнь ткнулся головой в теплое тело Цзян Цуна и притворился, что крепко спит.

И сам не заметил, как видения сна действительно окутали его.

***

Следующие два дня

Цзян Цун и Цзян Липин провели время в хлопотах: готовили снаряжение, изучали окрестности и мастерили из сырой кожи подобие охотничьих сапог. Кто-то даже подобрал крепкую раздвоенную ветку, собираясь смастерить рогатку.

Им предстояло сопровождать отряд на охоту, и никто не знал, выдадут ли им оружие, поэтому каторжане старались подготовиться сами, как могли.

***

День охоты

День выдался ясным. Солнце, хоть и зимнее, светило ярко, и его лучи даже дарили обманчивое ощущение тепла.

Цзян Липин и Цзян Цун явились к месту сбора загодя. Вскоре показался и Лу Ган во главе сотни солдат. Вся эта внушительная кавалькада шумно двинулась на восток.

Из-за сильных холодов и недавних снегопадов зверь попрятался в глубокие норы. Проплутав полдня такой огромной толпой, они смогли поймать лишь несколько диких птиц.

Адъютант Чжоу, покачиваясь в седле, не переставал зевать:

— Может, вернемся? В такой мороз только зря мерзнем, а добычи — кот наплакал.

Лу Ган всегда презирал эту изнеженность, но, помня о разнице в происхождении и чине, задавил в себе желчь.

— Не спешите, господин Чжоу. Если зверь сам не идет, мы его выманит!

С этими словами он приказал солдатам перерезать птицам горло. Горячая кровь хлынула на землю, ею щедро полили старое, обветшалое тряпье, пока ткань не пропиталась насквозь.

Эти окровавленные лохмотья швырнули Цзян Липину и остальным, приказав разойтись подальше друг от друга. Запах свежей крови должен был привлечь хищников из лесной чащи.

Ма Юнцзяну, самому молодому из ссыльных, тоже досталась такая «приманка». От страха у него подкосились ноги: если зверь действительно придет, они станут первыми жертвами.

Окровавленная ткань в руках юноши казалась настоящим смертным приговором. Его пальцы задрожали, и тряпка упала в снег.

Стоявший рядом солдат тут же сбил его с ног. Принявшись осыпать парня ударами, он рывкнул:

— Никчемный кусок дерьма! Даже с такой малостью справиться не можешь!

Ма Юнцзян лишь сжался в комок, закрывая голову руками. Удары он готов был терпеть, но только не брать в руки эту кровавую метку.

Цзян Цун шагнул вперед и поднял обледенелую ткань:

— Господин, он еще молод и глуп, жизни не видел. Я сделаю это вместо него.

Он быстро разошелся в сторону вместе с остальными, направляясь туда, куда указали стражники.

Надзиратель Лу, наблюдавший за этой сценой, лишь презрительно хмыкнул.

На морозе кровь быстро застыла, и запах перестал распространяться. До самой темноты им так и не встретился ни один крупный хищник. Напротив, из-за шума, поднятого сотней людей, многие зайцы и рябчики разбежались кто куда.

Охоту планировали на пять дней. Первый день прошел почти впустую. Каторжане жевали черствые лепешки, в то время как Чжоу Фэн-нянь извлек из тяжелого короба белоснежные маньтоу, обжаренную лажоу и кувшин доброго вина. Когда еду разогрели над костром, аромат разнесся далеко по округе.

В ту ночь ссыльные устроились прямо на снегу. Лу Ган и солдаты заняли простые палатки, а

Чжоу Фэн-нянь со своими телохранителями разбил целый лагерь. Его шатер был обтянут плотной тканью, внутри устлан множеством слоев меховых ковров, но он всё равно продолжал жаловаться на стужу.

***

Второй день

Наутро, когда ссыльные помогали сворачивать лагерь, они увидели, что господин Чжоу притащил с собой целый сундук отборного угля.

В этот день удача улыбнулась им чуть больше: отряду удалось добыть шесть косуль. Однако Чжоу Фэн-нянь оставался недоволен.

— Может, мы просто не принесли жертву перед началом? — лениво размышлял он. — Нужно было задобрить Горного духа. Я слышал, у охотников полно всяких обрядов.

Лу Ган лишь небрежно отмахнулся и грубо приказал каторжанам углубиться в лесную чащу.

***

Третий день

На третий день они наткнулись на след черного медведя. Весь отряд мгновенно оживился — шкура и желчь медведя ценились на вес золота. Охотники с азартом устремились по следу.

Лишь Цзян Липин и его товарищи не разделяли общего восторга. В руках у них были лишь деревянные посохи — встреча с косолапым для них означала верную смерть. Однако свист солдатских плетей за спиной не оставлял выбора. Приходилось идти вперед.

К счастью, до самой темноты зверь так и не появился.

Надзиратель, не желая упускать добычу, велел разбивать лагерь. Он приказал не забивать пойманных косуль, а лишь ранить их, чтобы запах живой крови приманил хищника.

Стоило ранам на телах животных затянуться на морозе, как солдаты делали новые надрезы. Резали осторожно — так, чтобы добыча не издохла слишком быстро.

Глядя на эти мучения, Цзян Липин про себя проклинал этих нелюдей, но молчал. Их собственная участь сейчас мало чем отличалась от судьбы этих истерзанных животных.

Расставив ловушки, Лу Ган приказал ссыльным копать ловчие ямы. Но разве можно голыми руками пробить мерзлую, как камень, землю?

Даже Чжоу Фэн-нянь усомнился в успехе, но начальник лишь надменно распоряжался:

— Как это — нельзя? Копайте! Чтобы к утру ямы были готовы, хоть ногтями землю рвите!

Разумеется, долбить лед в лоб никто не стал. Сначала расчистили снег, развели на земле костры, и только когда почва прогрелась, принялись за работу.

Пока каторжане трудились в поте лица, никто не заметил нескольких черных теней, бесшумно скользнувших к лагерю под покровом ночи.

Лу Ган в своем шатре как раз подогревал вино, когда услышал тревожное ржание коней. Он послал одного из подчиненных проверить, в чем дело. Едва тот вышел, как ночную тишину прорезал истошный крик. Надзиратель вскочил, опрокинув кувшин.

Полог шатра распахнулся, и внутрь просунулась массивная косматая голова. Лу Ган застыл, не смея дыхнуть, встретившись взглядом с медведем. Он понимал: одно неверное движение — и жизни конец.

Зверь ворвался внутрь. Не выдержав, мужчина закричал:

— Лю-люди! Ко мне! Здесь медведь! Помогите!

Стоило ему подать голос, как зверь бросился в атаку, обрушив на человека тяжелую когтистую лапу.

Леденящий душу вопль разбудил лагерь. Солдаты, обезумев от страха, принялись гнать каторжан к шатру — велели убить зверя и спасти начальника.

Вспыхнули факелы. Когда люди добежали до места, медведь уже скрылся в темноте. Лу Ган лежал на земле, его лицо превратилось в кровавое месиво.

При осмотре лагеря выяснилось, что медведи задрали шесть или семь лошадей. Судя по следам, незваных гостей было несколько.

Надзирателю сказочно повезло — он остался жив. Больше никто не хотел оставаться в этом проклятом месте, и на рассвете отряд поспешил обратно.

Цзян Цуну, Цзян Липину и еще двоим ссыльным поручили нести носилки. Вид раздробленного

лица Лу Гана внушал ужас, но в душе каторжане не могли сдержать злорадства — такие, как он, заслуживали возмездия.

***

Вернувшись в гарнизон, к раненому тут же вызвали лекаря. Цзян Липин и остальные замерли в ожидании, не зная, можно ли им уйти.

В этот момент Чжоу Фэн-нянь, чьи одежды за эти дни остались безупречно чистыми, внимательно посмотрел на Цзян Цуна.

— Послушай, парень... Твое лицо кажется мне знакомым. Уверен, мы уже встречались...

Не дождавшись ответа, он вдруг хлопнул себя по лбу:

— Вспомнил! Турнир боевых искусств! Ты три года подряд брал первенство. Сам Генерал Цюй тогда отметил твое мастерство и талант в стрельбе... Цзян... Цзян Цун!

Мужчины из Хунчжоу застыли. Кто бы мог подумать, что в этой глуши найдется человек, узнавший чемпиона.

Те турниры были великим событием: лучшие воины со всех провинций съезжались в столицу для несения стражи, и чтобы поднять их дух, устраивались состязания. Победители получали награды, но важнее всего была честь, которую они приносили своей родной земле.

Среди десятков тысяч искусных бойцов со всей страны Цзян Цун прославился как непревзойденный лучник, заставив всех заговорить о провинции Хунчжоу.

Он горько усмехнулся и отвесил поклон:

— Вы правы, господин Чжоу. Перед вами — недостойный преступник.

Чжоу Фэн-нянь кивнул, и вдруг его лицо, мгновение назад сонное, исказилось гневом. Он рявкнул:

— Взять его! Связать Цзян Цуна немедленно!

Стражники, решившие было, что старые знакомцы сейчас пустятся в воспоминания, опешили, но приказ выполнили.

— Всыпать ему тридцать палок! — Чжоу Фэн-нянь словно преобразился, в его голосе не

осталось и следа прежней лени.

Цзян Цун не стал спорить. Он лишь молча опустился на скамью, готовый принять наказание.

Когда Цзян Липин и остальные бросились молить о пощаде, Чжоу Фэн-нянь вернулся к своему обычному тону:

— Вы ведь тоже из Хунчжоу? Не суетитесь. Кончат с ним — примемся за вас!

Никто не решился больше перечить этому непредсказуемому человеку. Удары палок оглашали двор глухим, тяжелым стуком.

Когда экзекуция закончилась, господин Чжоу подошел к Цзян Цуну, всё еще лежавшему на скамье.

— Цзян Цун, не думай, что это я решил тебя проучить. Сам Генерал Цюй прислал письмо с наказом — велел преподать тебе урок. Он ценил твой талант, не раз хотел взять тебя под свое крыло, а ты... Ты не смог уследить за собственными людьми и скатился в эту яму. Скажи, заслужил ты эти палки?

Тот опустил голову и глухо ответил:

— Я обманул надежды Генерала Цюя и не оправдал его заботы. Я заслужил это наказание.

Чжоу Фэн-нянь помог ему подняться, и на его губах заиграла легкая улыбка:

— В письме он просил всыпать тебе от тридцати до пятидесяти палок. Как видишь, я выбрал по минимуму, так что не забудь мою доброту. И еще: генерал велел мне присматривать за вами. Работайте на земле, сражайтесь честно. Если представится случай, он лично подаст прошение императору об амнистии для вас.

Такого поворота не ожидал никто. Цзян Цун, Цзян Липин и остальные рухнули на колени, со слезами на глазах благодаря за милость Генерала Цюя.

<http://bllate.org/book/15828/1437505>